

Чтобы не повторилось...

Выпуск 2 (20)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕМОРИАЛ

МЕМОРИАЛЬСКИЕ ХРОНИКИ

СЕТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Февраль 2018

Вперед и дальше

В Тульском областном отделении Российского «Мемориала» прошла отчетно-перевыборная конференция, и организация начала 30-й год своего существования.

Были времена, когда для таких форумов приходилось запрашивать конференц-залы Дома профсоюзов или областной библиотеки, теперь разместились в собственной комнате дежурных: 25 делегатов и 5 приглашенных (увы, «естественна убыль»). Однако в тесноте, да не в обиде, и как-то комфортнее в родных стенах.

Выступление С. П. Афанасьева

Порадовало присутствие представителя Московского «Мемориала» И.С.Островской. Она отметила успехи туляков, конкретно - акцию «Последний адрес», активное участие юных туляков в «мемориальных» конкурсах, просто рабочую живую атмосферу Тульского отделения. Рассказала о том новом, что появилось в деятельности Российского «Мемориала».

Почтили память дорогого всем человека, Арсения Рогинского...

Взял слово С. П. Афанасьев, стоящий у истоков создания Тульского «Мемориала» (в следующем году, даст Бог, туляки отметят 100-летие этого необыкновенного человека). Он напомнил историю создания «Тесницкого леса», имена тех, кто трудился над первыми томами «Книги Памяти». Предложил избрать С.Л.Щеглова

Почетным председателем нашей организации.

Еще гость – депутат Тульской городской Думы П. Ю. Веселов – отметил, что наш «Мемориал» активно участвует в жизни областной столицы, и органы местного самоуправления содружествуют и сотрудничают с ним.

А вот советник-наставник по работе с НКО в Правительстве Тульской области Г. Г. Фомина - совсем не гость и не случайный человек в правозащитном движении. С 1997 года, будучи в составе администрации Ленинского района, на земле которого находится Тесницкий лес, начала Галина Григорьевна всеми мерами способствовать «Мемориалу» в развитии его инициатив, а сегодня просто стала членом этого общества. Она говорила о перспективах дальнейшего сотрудничества и закончила выступление подарками: отделению, где всегда гостей потчуют чаем - красавец самовар, а юбилярам Л.А.Устиновой и В.В.Куликову - аксессуары одежды по сезону.

Руководитель Новомосковской организации А.Н.Клочков призвал активнее участвовать во Всероссийском конкурсе «Человек в истории. Россия XX век» и, может быть, даже учредить свой, областной конкурс по нашей тематике.

Необходимо продолжить выпуск Книг памяти, для чего придется поработать в архивах, где хранится огромный пласт еще нетронутого материала, в частности, материалы по депортации осенью 1941 г. тульских немцев, списки спецконтингента фильтрационных лагерей № 283 и № 308, документы по немцам-трудармейцам, которые архив Тулугля собирается уничтожить по истечении 75 лет хранения.

И, конечно же, следует начать оцифровку архивов Тульского Мемориала для того, чтобы обеспечить сохранность материалов и дать к ним широкий общественный доступ...

Председателем правления избран Куликов Владимир Васильевич.

Исполнительный директор – Серегина Елена Михайловна.

Сергей Львович Щеглов избран Почетным председателем Тульского «Мемориала».

Выступление советника-наставника по работе с НКО в Правительстве Тульской области Г. Г. Фоминой

В Судьба человека

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения одного из старейших поэтов Мордовии и единственного основоположника мордовской (эрзянской) профессиональной поэзии Ильи Петровича Кривошеева (Илька Морыця). Илья Петрович не уроженец Мордовии, он родился на хуторе Маяк Саратовской губернии в крестьянской и очень бедной семье. Впоследствии его мать Ефимия Петровна Кривошеева станет признанной Первой народной мордовской сказительницей. Фамилию Кривошеевы дал роду А.С.Пушкин. Настоящая фамилия – Стесины. Это произошло в то время, когда Александр Сергеевич оказался в Саратовской губернии, собирая информацию о пугачевском восстании.

Илья Петрович окончил два высших учебных заведения и был очень уважаем своим преподавателем М.Е.Евсевьевым. После окончания Саратовского университета и преподавания в школах, И.П.Кривошеев был приглашен на работу в Мордовию, так как преподавателей такого уровня образования в республике было очень мало. Илья Петрович был направлен на работу в рабфак. В Саранск он уже прибыл с молодой женой Анной, с которой познакомился на отдыхе в Миргороде. Это был 1935 год. В стране уже шли репрессии. Начались они и в республике Мордовия. Илью Петровича арестовали по доносу соседки – жены поэта Чумакова, Ольги. Она увидела в доме Кривошеевых фото Ильи Петровича, где он был заснят в форме царской армии. На тот момент Илья Петрович только что окончил военное училище и сфотографировался в форме. А через некоторое время произошла Великая Октябрьская революция. Спустя год Илья Петрович уже служил командиром Красной Армии.

Илья Петрович
Кривошеев,
(1898 - 1967)

Арестовывать пришли ноябрьским дождливым вечером, когда семья только отужинала. У Кривошеевых на тот момент уже было двое мальчиков, одному два года, другому год и восемь месяцев. Работники НКВД вели себя грубо и цинично. Видя, что мужу становится плохо, Анна обратилась к одному из сотрудников НКВД с просьбой разрешить Илье Петровичу присесть на стул. Но услышала ответ:
- Насидится еще.

Анна не стерпела. Донская казачка, она не могла видеть такое. Оттолкнув НКВДэшника, Анна усадила мужа. То, что ее не ударили или не арестовали, было сродни чуду. Илью Петровича увели, а все его труды, записи уникальных сказов матери, редкие книги, которые он приобретал, будучи еще студентом на сэкономленные со стипендии деньги – все было грубо свалено на брезент и загружено в машину.

А для Анны и двух малышей начались страшные дни. Зарплату Ильи Петровича ей не выдали. Анна носила мужу передачи, а поскольку детей оставить было не на кого, брала их с собой. Привязав их поцыгански шалью к груди, в обеих руках несла поклажу с чистым бельем, махоркой и немудреную, но домашнюю еду. Выходила из дома в полночь и за два часа по ноябрьскому холоду с двумя грудными детьми добиралась до тюрьмы по пустому, темному городу без тротуаров. Приходила Анна и становилась по счету в очереди уже 862-й. Женщины в очереди жалели ее.

Когда в доме стало нечего есть, Анна решилась на отчаянный шаг – идти просить работу у начальника НКВД Николая Красовского. Этот человек носил прозвище «палач», так как именно при нем начались пытки и зверские избиения заключенных. Брат Ильи Петровича на коленях молил Анну не делать этого. Накануне Красовский сбросил с лестницы жену поэта Якова Григошина, пришедшую также просить работу. Женщина сильно разбилась. Анна намеревалась навестить женщину в больнице, но та запретила, передав это через знакомых, иначе Анну тут же арестовали бы.

Анна подошла к зданию НКВД. Удивило ее то, что на входе не было часового. Не было никого и внутри. Анна сочла это знаком и поднялась на второй этаж. Увидев дверь с табличкой «Начальник НКВД - Красовский», вошла. Красовский сидел за столом, изучая документы или делая вид. Анна поздоровалась.

Ответа не последовало. Анна поздоровалась снова. Опять молчание. Анна произнесла:

- Ну, раз здесь никого нет, я пойду.

- Сядь. – Раздалось, наконец.

Анна выбрала стул в углу комнаты, мысленно прикидывая, куда она вцепится Красовскому, если тот вздумает ударить ее.

Красовский подошел к шкафу, извлек книгу стихов Ильи Петровича, ткнул пальцем в его фото и спросил:

- За него пришла просить?

- Нет.

Этот ответ его удивил. Красовский перевидал в своем кабинете несчетное число тех, кто просил за своих мужей, жен, детей, братьев, друзей, произнося одни и те же слова, что арест их – это ошибка, недоразумение. А здесь...

- Я пришла просить работу. – Ответила Анна.

Красовский секунду смотрел на нее молча, а потом разразился таким гомерическим хохотом, что Анна засомневалась в его вменяемости.

Прохохотавшись, Красовский произнес:

- Да знаешь ли ты, что здесь меня умоляют профессора, академики, хоть о какой-нибудь работе, хоть полы мыть, и я им не даю этого.

Анна рассвирепела. Может ли называться человеком этот..., что насмехается над чужой болью и отчаянием? Она встала:

- Я умру вот на этой половице, но не наклонюсь вымыть ее.

Красовский замер. А Анну понесло. Она «выплюнула» ему в лицо все, что наболело.

- И еще я знаю, что мой муж скоро выйдет, а вы сядете на его место, а может быть, вас и расстреляют!

Красовский слушал. И вдруг произнес:

- Может быть, может быть, ты и права. Хорошо, я дам тебе работу.

И, видя, как засияли глаза Анны, добавил:

- Но эта работа будет для тебя хуже, чем ее отсутствие.

И протянул ей руку.

Анна ее не приняла, сказав, что руки врагам народа не пожимает.

То, что она вышла из кабинета Красовского невредимой после такого поведения, впоследствии она сама называла чудом.

Анну направили в Ардатов в «Дом малютки» кормилицей, где она должна была кормить грудью трех государственных детей. Так назывались осиротевшие дети партийных работников. Собственных детей у нее сразу забрали и поместили в бокс. Спустя некоторое время она узнала, что ее мальчики умирают от голода. Анна врывается к главврачу и слышит в ответ:

- Мы не обязаны кормить и лечить детей врагов народа.

За Анной установили слежку. Когда женщина уже была в отчаянии, она вдруг заметила, что слежку сняли. Потом ее допустили к детям. То, что она увидела, повергло ее в ужас. Это были почти два трупа, исхудавших и синих. Дети начинали болеть. И только сейчас их стали прикармливать и лечить. Оказалось, что Илье Петровичу так и не смогли предъявить обвинения и, за недоказанностью улик, освободили. В заключении Илья Петрович провел почти два года.

Когда он пришел на квартиру, где жил до ареста с семьей, его встретили незнакомые люди. В панике Илья Петрович кинулся искать своих и нигде не находил ответа. И только потом узнал, где они находятся.

И.П. Кривошеев, после окончания Саратовского университета. 1927 год.

Перед арестом Ильи Петровича жена Анна (справа), дети Володя и Илья. 1935 год.

Илья Петрович вернулся из заключения с пошатнувшимся здоровьем от побоев и пыток. Он рассказывал о «кресте». Осужденного заставляли брать в каждую руку бутылку из под шампанского, наполненную речным песком. Требовалось, чтобы человек стоял несколько часов, раскинув руки в стороны. Как только заключенный падал от изнеможения, начинались побои...

Когда Илью Петровича освобождали, он напомнил о своих трудах и книгах, что были конфискованы в момент ареста. В ответ услышал:

- Если не хотите вернуться сюда снова, подписывайте, что все получили обратно.

Илью Петровича и его семью направили в Ичалковский район на педагогическую деятельность. Жилье не предоставили. Уже с тремя маленькими детьми Илья Петрович и Анна сменили 22 съемные квартиры. За Ильей Петровичем установили слежку. Наушничали на его уроках под дверь. Своего жилья так и не было. И наконец, правительство Мордовии решило начать строительство дома для поэта и его семьи к 60-летию Ильи Петровича. Но премудрые ичалковские административные работники Морозов и Вичкензин решили пожить. Они объявили Илье Петровичу, что в казне района денег сейчас мало, и

ему желательно вложить свои средства, которые он получил за несколько вышедших сборников. А они потом все возместят. Илья Петрович даже не мог и помыслить не поверить людям, и сделал это. А когда дом был построен и Илья Петрович пришел за расчетом, ему было сказано, что никаких денег от него никто не получал и доказательств этому нет (Илья Петрович от великой порядочности не мог требовать квитанций за стройматериалы) и в результате дом стал коммунальным. И человек, переживший бедность, революцию, войну, еще одну войну, голод, арест, пытки и ни разу не возроптавший, на этот раз заплакал.

Умер Илья Петрович в 1967 году от рака желудка. Мужество этого человека таково, что, испытывая жуткие боли, он не издал ни стога, боясь побеспокоить ночью близких, забывающихся коротким сном...

Похоронен Илья Петрович в с. Ичалки. Его имя носит улица, на которой от жил, и детская библиотека Ичалковского района, а на территории педагогического колледжа, где он работал, установлен бюст.

Но все же, пришло время призвать к ответу всех виновных в подобных судьбах.

Анжелика Горбунова

**Илья Петрович Кривошеев с детьми
Ичалковская базовая школа.
40-е годы**

Об авторе

Анжелика Владимировна Горбунова, род. 28 июня 1969 года в Мордовии. Имеет два образования: медицинское и юридическое.

Пишет с детства, печатается в периодических изданиях, член Союза писателей России.

Очередной 41-й... миллион!

Я за свою 36-летнюю колымскую жизнь растрывал миллионы сорок рублей на благие дела, из которых третья часть, а то и половина - мои личные деньги. Спросите: «А где же ты их столько взял?».

Не поверите – миллионы 20 выиграл! Не в карты, конечно, а в рамках закона – обращался за помощью в благотворительные фонды, в т. ч. и иностранные. И выделяли деньги запросто, но не мне лично, а Ягоднинскому обществу «Поиск незаконно репрессированных», создателем и председателем которого официально являюсь с апреля 1990 года, а неофициально, т. е. до регистрации общества – с 1982 года. Да, да, именно с этого времени.

С 1998 года деньги давали/выделяли мне следующие грантодатели: иностранные – фонд Сороса дважды, фонд «Исар – Дальний Восток» – дважды, по одному разу Посольство Королевства Нидерландов, фонд «Макартуров», фонд Гражданских свобод, «Точка опоры», российские – Зимина, Тимченко, Потанина ну и всякие прочие мелкие организации, выделявшие по тысяче-полторы €/\$...

Когда в России приняли закон об «Иностранцах агентах», то как бы ударили (а в общем-то и ударили) по рукам многим общественным организациям. Ну и общество «ПНР» прекратило обращаться в иностранные фонды – не хотелось быть «шпионом». Лет 6-7 никуда не писал. «А как же существовало общество?» – спросите.

Есть такая поговорка у русских: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!» Вот и у меня есть такие друзья, да не простые, а старатели. В нашем таёжном краю кроме золота и ягоды ничего нет, точнее есть вся таблица Менделеева, но мы только дары природы собираем и «презренный» металл добываем. Можно было бы и мне заняться золотишком, даже поворовывать, но зачем рисковать, коль друзья богатые. Вот и помогали они обществу, выделяли по 50, 100, 200 тысяч рублей на дела мемориальные – экспедиции (более 30-ти), издание книг (36), изготовление позолоченных памятных знаков (4) и т. п. Я, конечно, говоря простым языком, не борзел, т. е. не шиковал. Просил деньги только на конкретное дело. Конечно, 200-300 тысяч рублей в год маловато... для общества «Поиск незаконно репрессированных».

А тут как-то сын Дима в 2016 году нашёл в Интернет объявление-заявку на субсидию для общественных организаций Магаданской области. Правительство области готово было оказать помощь. Писать заявки мне не привыкать. Быстро составил и отправил, а к концу года получил результат – около 300 тысяч рублей. Пару мемориальных досок в Ягодном установил, со школьниками в экспедицию на остатки лагеря съездил, выпустил книгу – воспоминания приёмной дочери наркома Н.И. Ежова, с которой был хорошо знаком и записал её рассказы. Конечно, в бухгалтерии правительства области кровушки попили при отчёте, но потом я всех «припугнул» тем, что с президентом знаком (это действительно так) и всё образумилось. Но решил больше не связываться.

Ну а как быть дальше? Где деньги брать? Года три назад сдружился с одним московским предпринимателем, который, говоря по-простому, просто помешан на Колыме. С ним за последние пару лет побывал на десятке заброшенных лагерей и в этом году планируем ехать чёрте куда... Но и это не выход, согласитесь. И тут кто-то посоветовал обратиться за помощью в Президентский Фонд. Ну, я и написал заявку, и выиграл очередной миллион, точнее почти полтора миллиона рублей.

Теперь вот разгуляюсь: книгу «Колымская Атлантида» об истории Магаданской области издаю, четыре экспедиции по лагерям на лето запланировал, газету «Чудная планета» выпускать буду – мини-типографию покупаю! Местной власти сказал, что буду писать только правду и обо всём, в т. ч. и о негативе в районе, да и в области. А что мне бояться? Я нигде не работаю, никто меня не уволит, ну разве что посадят. Ну, а будут сажать – обращусь за помощью к вам, коллеги, знаю, в беде не оставите.

А пока этого не случилось – буду дерзать!

Книги, выпущенные И.А. Паникаровым с 1996 г. в серии «Архивы памяти»

Иван Паникаров, пос. Ягодное, Магаданская обл.

280 руб. 70 коп. – за жизнь человека...

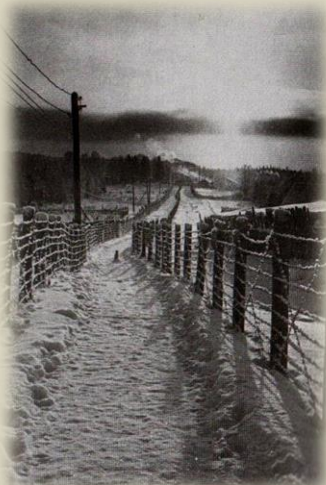
К председателю Брянского Мемориала Николаю Полякову обратился Алексей Моцак. Ему 35 лет, живёт под Екатеринбургом, инженер-геодезист.

Создавая на семейном сайте в Интернете своё родословное древо (уже 344 родича!), он столкнулся с незнанием судьбы (нет и фото) репрессированного прадедушки - Вячеслава Иосифовича Мацака. И это тревожит память Алексея уже много лет. Мы сообщили ему, как вести поиски: необходимо добиться в УФСБ по Брянской и Архангельской области ксерокопирования документов из архивных дел прадедушки.

Его прапрадед Иосиф Юзефович Мацах (фамилия у детей Мацак и Моцак) перебрался с семьей из неспокойно-революционного Киева в тихий поселок Скачок, в пригород Клинцов, на Брянщину. Здесь его дети завели семьи. Сын Вячеслав женился по любви на местной Анастасии; они явили на свет двух сыновей и дочь. 2.01.1938 г. у них родился третий сын Василий, а 28.01. Вячеслава арестовали сотрудники Клинцовского РО НКВД. Осуждён 27.10.1938 г. «тройкой» УНКВД Орловской области (тогда область была Орловской) по ст.58-10 УК РСФСР. Срок – 5 лет ИТЛ. Реабилитирован по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г.

Покарали за преступления «государственные»: за пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений... Но всё это махровая ложь. Вячеслав, обжигальщик кирпича на заводе им. С. Халтурина Клинцовского района, конечно же, постоянно думал о том, как прокормить, одеть, обуть свою многодетную семью. Платили за его вредную работу мало, вот, скорее всего, и посетовал вслух, что жить трудно. А говорить об этом в стране победившего социализма было опасно. Кто-то донёс, и – в Кулойлаг Пинежского участка Архангельской области, на лесоповал.

Четырёх малых детей лишили отца-кормильца.

Кулойлаг. Дорога смерти.

В тех условиях Вячеслав Иосифович Мацак, как и тысячи заключенных, был обречен на замедленную смерть – свыше двух лет редко кто выдерживал на лесоповале. Работали по 10 часов без перерыва на обед. Дневная норма каждого – 7,2 куб. м. леса. Зэкам первой категории – 800 гр. хлеба, второй – 500, третьей – 400. Не выполнившим норму пайка снижалась, а это вело к потере сил. Выполнить норму, при глубоком снеге и морозах, очень нелегко. Основные орудия – топор и лучковая пила...

В бараках – скученность, холод, вши, эпидемии. Политические и уголовники – все вместе. Заключенные месяцами не снимали с себя износившуюся одежду. Спали на голых нарах. В 1-ом кв.1939 г. были обморожены 563 чел. на 3251 ч/д. Заключенных, которые из-за болезней не могли подняться с нар и идти на работу, избивали, обливали водой, нередко цепями привязывали к саням и – на лесоповал... В изолятор-полуземлянку (10 м x 5 м) загоняли до 120 чел.; люди задыхались; их выгоняли «проветриться», а в изолятор забрасывали снег, поливая его водой, и снова туда заключенных...

Документально, из писем зэков: *«Советская власть прислала вас на уничтожение, а мы будем удобрять вами землю»; «Враги народа – не люди, а бешеные собаки. И Советская власть бросила вас, отказалась от вас. Мы уничтожим вас»...* и т.д. и т.п. – так говорили начальники лагпунктов.

В Кулойлаге содержались 60% русских, остальные - украинцы, белорусы, поляки, татары, евреи, немцы, латыши, эстонцы, литовцы, узбеки, грузины. Смертность при годовом «среднесписочном контингенте» в 12 795 чел. – 6229 чел. (48,7%). Осенью вырывали глубокий ров, куда зимой сбрасывались трупы умерших. Ныне копнёшь - земля в белых человеческих костях.

Из восстановленного свидетельства о смерти, выданного горотделением ЗАГС г. Клинцы Брянской области от 21.01.1994 г.: *«Мацак Вячеслав Иосифович умер 28 апреля 1942 года в возрасте 37 лет. Причина смерти: туберкулез легких. Место смерти: Кулойлаг Пинежского участка Архангельской области...».*

Вызывает сомнение указанное место смерти, ибо еще в феврале 1942 г. Кулойлаг расформировали, заключенных и стрелков перебросили в другие отделения, в Березлаг, по железной дороге на Воркуту. В пути вертухаи могли и пристрелить тяжелобольного зэка.

А Клиновским комбинатом стройматериалов (бывшим кирпичным заводом) *«...на основании справки прокуратуры Брянской области и справки КГБ Брянской области №13634 от 4.8.1989 г. Мацак Эмили Вячеславовне (дочери безвинно*

*репрессированного - БМ) произведено возмещение ущерба в связи с незаконным осуждением её отца Мацака Вячеслава Иосифовича, в размере двухмесячной зарплаты обжигальщика... Выплата произведена по расходному кассовому ордеру №878 от 26 сентября 1989 года в сумме **280 руб. 70 коп.** Директор комбината стройматериалов А.Буйный».*

Там, где был Кулойлаг. Наше время

И больше никакого возмещения за отнятую жизнь! Страшно жить, когда жизнь в стране ничего не стоит.

Алексей Моцак продолжает поиски точных архивных документов, могилы прадедушки. Он должен вернуть его из небытия, поместив фото и биографию в созданную им в Интернете книгу жизни (поддерживается на 40 языках). И мы поможем ему.

Брянский Мемориал

Обращение Правления Краснодарского общества «Мемориал»

Решением Налоговой инспекции №16 по Краснодарскому краю от 24 января 2018 года наше общество было исключено из Единого государственного реестра юридических лиц. Инициатором ликвидировать юридическое лицо и работать без его образования были мы сами. Такое решение мы приняли 16 сентября 2017 года, на общем собрании, в городе Краснодар. Для этого были две веские причины. Во-первых, из жизни, за последние года ушли многие, кто был все это время с нами и разделял наши взгляды. Это, в том числе, и дети репрессированных, которым сегодня за восемьдесят. Одним из последних из жизни ушел замечательный человек, патриот и подвижник Василий Николаевич Андреев, инициатор установки памятника репрессированным грекам в поселке Кабардинка Геленджикского района. Многие члены общества серьезно больны, находятся в преклонном возрасте и не могут работать активно. Во-вторых, у нас нет средств, чтобы содержать помещение, бухгалтера, обслуживать счет в банке, телефоны и т.д.

Все это заставило нас отказаться от статуса юридического лица. И сделали мы это добровольно, без всякого нажима извне.

С другой стороны, отказ не означает, что мы прекращаем работу. Нет! Научно-исследовательское, просветительское направления будут продолжаться настолько активно, насколько нам позволят силы и обстоятельства. Отказ от статуса юридического лица также не означает, что мы изменяем своим взглядам. Нет! Мы продолжаем считать, что увековечение памяти о жертвах политических репрессий, обнародование исторической правды о масштабах преступлений тоталитарного режима в нашей стране есть важные составляющие строительства открытого демократического общества.

Наше общество было создано из числа преподавателей и студентов исторического факультета Кубанского университета в декабре 1987 года.

За тридцать лет малыми силами сделано очень многое. Подготовлено и выпущено девять томов книги Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Мы благодарны всем институтам и коллегам, кто принимал в этом участие. В этих томах содержится биографические данные на более чем 20 тысяч репрессированных и реабилитированных жителях Кубани. Кроме этого, в каждом томе опубликованы документы, письма, фрагменты дневников, фотографии о той эпохе.

С нашим участием установлены памятники и памятные знаки, увековечивающие имена жертв политических репрессий в Краснодаре, Новороссийске, Кропоткине, Кабардинке, Крымском районе, станице Шкуринская и других местах.

Нашим обществом проведено восемь научных конференций под общим названием «Проблема историй массовых политических репрессий в СССР». Все они были приурочены к важным историческим событиям: 70-летию голода 1932-1933 годов, юбилеям начала второй мировой войны, переписи населения 1939 года и др. Последняя конференция была проведена в 2013 году совместно с учеными Кубанского университета. В очном и заочном в режиме в ней приняли участие более 100 исследователей из шести стран. Материалы всех конференций опубликованы. Они внесли достойный вклад в отечественную историографию проблем массовых политических репрессий в СССР.

С 1999 года наше общество активно участвовало в школьном конкурсе «Человек в истории. России XX век». За эти годы на конкурс было отправлено 2 тысячи работ из Краснодарского края и Республики Адыгея. В нем приняли участие тысячи учащихся, сотни учителей и наставников. Ценность конкурса заключается, прежде всего, в том, что школьники старших классов, исследуя домашние архивы, документы личного происхождения, другие исторические источники, беседуя с ветеранами, учатся свободно мыслить,

объективно анализировать факты и делать самостоятельные выводы. Да, они не ангажированы, как некоторые взрослые, да их работы далеки от совершенства, но в том, что они будут знать и любить свою «малую» и «большую» Родину мы уверены. Мы уверены, что можно и нужно любить Отечество, не приукрашивая и не ретушируя его прошлое!

И еще один важный момент. Наше решение о ликвидации краснодарского «Мемориала» совпало с внеплановой проверкой, организованной Управлением Министерства юстиции РФ по Краснодарскому краю. Мы всегда очень серьезно относились к тем требованиям, которые государство предъявляет к общественным организациям. Десятилетиями мы добросовестно сдавали все необходимые отчеты, оплачивали налоги. Летом 2016 года мы прошли серьезную плановую проверку, в ходе которой не было выявлено ни одного (!) нарушения. По итогам внеплановой проверки, которая последовала через год, в начале сентября 2017 года, через суд наша организация была внесена в реестр Иностранцев. Мы оспорили это решение в краевом суде, где заседание прошло в течение нескольких минут, и наш иск не был удовлетворен. Считаем, что мы в своей апелляции предъявили серьезные аргументы в свою защиту, но нас не захотели слушать. Считаем, что закон мы не нарушали, и решение о включении нашей организации в реестр ИА было поспешным и необъективным. Словно, кто-то подобострастно выполнил спущенный сверху «лимит».

Приняли бы мы решение о ликвидации, если не было этих событий? Да, к сожалению, приняли. Так распорядилось время и обстоятельства.

Мы благодарим всех коллег, друзей, помощников, кто был все эти тридцать лет с нами! Благодарим за порядочность, смелость и честность в отстаивании своих взглядов и убеждений, приверженности исторической правде и справедливости.

Краснодарский Мемориал

Карта ГУЛАГа пополнилась... колониями

Пермский «Мемориал» сообщает об очередном обновлении информации на электронной «[Карте ГУЛАГа в Прикамье](#)»

Напомним, что этот ресурс мемориальцы начали создавать пять лет назад с намерением собрать вместе сведения обо всех местах заключения и ссылки, действовавших в сталинский период на территории нынешнего Пермского края. Это спецкомендатуры и штабы крупных лагерных управлений, тюрьмы, многочисленные спецпосёлки и «отдельные лагерные пункты», зоны, колонии, командировки... Каждый такой объект выделяется на региональной Карте отдельной пиктограммой и сопровождается собственной архивной справкой.

Башня смерти

Главной особенностью Карты является то, что вся информация о таких гулаговских учреждениях берётся из ранее секретных документов НКВД – сводных таблиц, дислокаций, справок, приказов, которые в настоящий момент рассекречены, хранятся в государственных и ведомственных архивах и доступны исследователям. Все созданные и опубликованные на сайте справки – чрезвычайно сухие и внешне отдают какой-то малоинтересной бухгалтерской отчётностью. Авторы ресурса к тому же максимально ушли от собственных оценок, здесь практически нет их

комментариев; скорее только пояснения, необходимые для понимания отдельных терминов и вопросов. Здесь только цифры и факты.

Чаще всего, справки содержат крайне скупые сведения: о численности «спецконтингента» на конкретный период времени, о категориях репрессированных, о видах производственной деятельности. Реже можно найти упоминания фамилий начальников, описание жилищных и бытовых условий. Но даже этот минимум информации, по мнению авторов Карты, вполне достаточен, чтобы каждый такой «населённый пункт» был отмечен и нашёл в ней своё отражение. И постепенно масштаб и размеры пермского острова «Архипелага ГУЛАГ» становятся для нас всё более чёткими, понятными, а с каждым обновлением информации – и всё более жуткими.

На сегодняшний день электронная «Карта ГУЛАГа в Прикамье» включает в себя уже 1311 объектов. Это очень много для одного региона, неожиданно много. И, к сожалению, это ещё не конец работы. Предварительный и очень осторожный анализ только имеющихся в распоряжении мемориальцев рассекреченных архивных документов позволяет говорить о том, что на территории края в разное время сталинского периода действовало не менее полутора тысяч лагерных учреждений и спецпоселений, значительную часть «населения» которых составляли жертвы политических репрессий.

Какое обновление произошло сейчас? Вроде бы опять не большое по количеству – появились 44 новых объекта и, соответственно, архивные справки к ним. Все они относятся к одной категории – это так называемые исправительно-трудовые колонии, которые подчинялись региональному Управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний УНКВД (позднее – УМВД) Молотовской области (сокращённо – УИТЛК). Здесь важно понимать, что основной контингент таких исправительно-трудовых колоний (ИТК) составляли осуждённые, имеющие приговор до трёх лет лишения свободы. В этом основное отличие ИТК от других лагерных учреждений, например, «отдельных лагерных пунктов», где концентрировались заключённые с большими сроками. Среди узников ИТК был немалый процент осуждённых по «политической» 58-ой статье УК РСФСР.

Если внимательно познакомиться с информацией об этих колониях (а их в целом на Карте уже 100 объектов), то можно увидеть несколько действительно любопытных вещей. Во-первых, значительная часть из них (67 учреждений) действовала в 1940 – 1950-е годы на территории нынешней Перми (напомним, тогда город назывался Молотов). Разумеется, было много колоний и за его пределами. Сведения о некоторых были опубликованы ранее. Вспомним, например, наиболее известную из них – это «лесная» ИТК №6 в деревне Кучино, где потом действовала политзона «Пермь-36». Но если присмотреться к местам размещения

«городских» колоний (Карта ГУЛАГа создана на базе «Яндекс-карты», что позволяет пользователю менять масштаб и видеть подробности по каждому объекту), то заметна их привязка ко всем более или менее важным учреждениям, предприятиям и строениям тогдашнего Молотова. Судя по карте, они размещались во всех уголках растущего города. И там, где шла более-менее значительная стройка, там всегда были и заключённые УИТЛК.

Так, много заключённых трудилось на территории нынешнего Свердловского района Перми. Например, в строительном тресте №12, на заводе №19 (ныне – это «Пермские авиамоторы»), на заводе №33 (ныне – «Инкар»). И сегодня ещё частично сохранились промышленные пейзажи той эпохи – это завод №90 (ныне – «Камтэкс-Химпром») и территория рядом с ним – Вторчермет. То же самое можно сказать о промышленных объектах в Заостровке и территории лесозавода «Красный Октябрь». Не забудем и про строительство Камской ГЭС, где также не обошлось без труда репрессированных. И таких примеров много.

Заключённые УИТЛК принимали непосредственное участие в строительстве Дома культуры завода имени Сталина (ныне – ДК имени Солдатов), как и всего близлежащего жилого микрорайона, более известного пермякам как «Тихий Компрос». С большой уверенностью можно утверждать и факт участия заключённых и в строительстве здания... Управления МВД (Комсомольский проспект, 74), знаменитой высоты с народным названием «Башня смерти».

КамГЭС 2

Весьма любопытный момент открывается при анализе того, как это официально оформлялось и подавалось. Всё-таки, согласитесь, сразу 67 колоний в одном городе (и это, не считая других лагерных учреждений и тюрем) как-то многовато. Глядя на карту города, вообще создаётся ощущение, что Молотов был одной сплошной зоной, тем более учитывая факт, что треть, если не половина рабочей силы на отдельных строительствах и обслуживании предприятий были заключёнными ГУЛАГа. Это обстоятельство надо было как-то скрыть, иначе для людей того времени могло показаться странным такое принудительное и насильственное движение «вперёд к коммунизму».

Почти все колонии официально назывались «хозяйственными учреждениями» или «хозяйственными организациями». С большинством предприятий, строителей и учреждений, где был необходим физический и часто неквалифицированный труд заключённых, Управлением исправительно-трудовых лагерей и колоний УМВД Молотовской области составлялся контрагентский договор, на основании которого заключённые и направлялись на работы. Количество заключённых, сроки их работы определялись всегда только нуждами конкретного учреждения и возможностями УИТЛК. Потребность хозяйственного учреждения в неквалифицированной рабочей силе могла меняться в зависимости от самой работы на предприятии, а лагерные пункты УИТЛК, в отличие от других мест заключения, были более мобильны и удобны для таких изменений.

Неудивительно поэтому, что таких колоний было много, так как потребность в бесплатной по сути и бесправной рабочей силе при авральной советской экономике у руководителей предприятий всегда была высокой. Неудивительно и то, что в доступных нам архивных документах 1939, 1949 и 1950 годов лагерные зоны УИТЛК часто не имеют своего привычного названия и номера, а именуются как вполне себе гражданские учреждения и организации. «Молотовуголь», «КамГЭС», «Завод №172», «Заготзерно» и даже – в это трудно поверить, но... «Ликероводочный завод».

Наверное, кто-то найдёт и другие любопытные детали, знакомясь с этими сухими архивными справками. Они относятся уже не только к колониям в Перми, постепенно появляется и информация по учреждениям УИТЛК по Молотовской области в 1944-1951 годы. Это Березники, Соликамск, Кизел, «лесные» ИТК, сельхозколонии и другие. В своей совокупности информация такой карты открывает нам малоизвестные, хотя и малопривлекательные, страницы истории города Перми и всего региона.

Пермский Мемориал

Когда правосудие есть

19 февраля 2018 г. в Приморском районном суде г. Архангельска прошло финальное судебное заседание по делу о квартире Ольги Бочкаревой.

Ольга Владимировна Бочкарева – член общества «Мемориал», историк, автор многочисленных работ по истории Соловецкого лагеря особого назначения, бывший сотрудник Соловецкого государственного музея-заповедника и автор ныне существующей экспозиции истории СЛОН.

Квартиры ее пытался лишить директор Соловецкого музея-заповедника Владимир Шутов (он же – архимандрит Порфирий, наместник и игумен Соловецкого монастыря). Сразу скажем, что отъем не удался – суд принял решение в пользу ответчика. Если по делу не будет апелляции (или суд ее не удовлетворит), Ольга останется жить в своей собственной квартире на Большом Соловецком острове.

На Соловках Ольга Владимировна с 1988 года, много лет проработала в музее. Специалистов такого уровня исследовательского профессионализма и степени непосредственной погруженности в материал сейчас, пожалуй, больше нет – ни на самих Соловках, ни на материке. Однако изучение этой части Соловецкой истории с недавних пор стало вещью непопулярной. После упразднения отдела истории XX века, которым Ольга Бочкарева заведовала, руководство сделало все, чтобы и сама она из музея ушла. Это случилось летом 2017 года. Однако разрыв повлек за собой еще более серьезные неприятности: музей стал требовать освобождения квартиры на Соловках, в которой Ольга живет с 2009 года. Квартира эта – ее единственное жилье, предоставленное музеем по договору социального найма. С самого начала руководство музея (тогда еще вполне способное оценить значимость квалифицированных сотрудников) обещало передать квартиру в собственность. И не только обещало – процесс согласования и оформления документов был продолжен нынешним директором. А вот был ли доведен до конца – так и осталось не

известным. Никакой бумаги, подтверждающей согласие музея, Ольга не получила. Но с 2011 года ни музей, ни Министерство культуры не возражало против заключения договора. Через семь лет эту подвешенность вопроса Владимир Шутов явно счел подходящим средством свести счеты с неудобной бывшей сотрудницей, да, кстати, и изгнать ее с острова. Требование музея было абсолютно неправомерно – даже при том, что новый договор не был до конца оформлен, заключенный в 2011 году договор социального найма таких манипуляций с жильем не предполагает.

Ольга Бочкарева (справа) и адвокат Марина Агальцова

В суде интересы Бочкаревой представляла Марина

Агальцова, адвокат Правозащитного центра «Мемориал». Справедливое разрешение проблемы, по ее словам, – результат ответственной работы суда и районной прокуратуры.

«В процессе существенную роль играла прокуратура, которая была – нам это было непривычно – на нашей стороне. Прокуратура действительно сделала очень много. Они провели проверку, вынесли предостережение музею – о том, что документы должны быть переданы на регистрацию. Они обратились в Росреестр и истребовали дела по предыдущим случаям приватизации квартир сотрудниками музея. Судья работала так, как должен работать судья. Прокурор был таким, каким должен быть прокурор. Суд полностью отклонил иск музея, полностью признал наш встречный иск о государственной регистрации договора об отчуждении и передаче в собственность квартиры».

От прокуратуры этим делом занималась помощник межрайонного прокурора Анна Лепина, заседания вела судья Наталия Сараева.

«Вообще, конечно, это страшно, когда хорошая работа судьи и прокурора воспринимается как нечто из ряда вон выходящее», – комментирует Марина Агальцова.

Но все же отрадно, что слово «правосудие» хотя бы в редких случаях обретает свой подлинный смысл.

Международный Мемориал